

ЗАПЕРТАЯ
ПОД ЧУЖОЙ
УЛЫБКОЙ

МЭЙВ ХОЛЛОУ

18+

Мэйв Холлоу

Запертая под чужой улыбкой

<https://litres.ru/74188273>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она просыпается в парке с грязью под ногтями и не помнит, как там оказалась. Она слышит голос в своей голове. Он называет себя Финном. Он говорит, что защищает её.

Но за окном её квартиры кто-то ходит по ночам. В зеркале она видит чужую улыбку. А в новостях находят тела.

Ивлин хочет сбежать. Но Финн не отпускает её. Он говорит, что любит её. Он говорит, что она никогда не будет одна.

Он говорит правду.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мэйв Холлоу Запертая под чужой улыбкой

Глава

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Это книга о голосах, которые звучат в тишине. О том, как любовь становится тюрьмой. О том, как трудно открыть дверь, когда внутри тебя живёт твой собственный тюремщик.

Некоторые сцены могут показаться вам слишком реальными.

Потому что они и есть реальные.

Не читайте эту книгу в одиночестве, если вы боитесь тишины.

ОТ АВТОРА

Говорят, что тишина — это отсутствие звука. Это неправда. Тишина — это звук ожидания. Это момент, когда мир

задерживает дыхание перед тем, как что-то произойдёт.

Ивлин слышала эту тишину каждую ночь. Она думала, что боится темноты. Но на самом деле она боялась того, что живёт внутри тишины.

Эта книга — не просто история о голосах в голове. Это история о том, как легко потерять себя, когда кто-то другой говорит, что знает тебя лучше, чем ты сама.

Я не знаю, существует ли Финн на самом деле. Но я знаю, что он живёт в каждом из нас — в той части, которая шепчет: «Ты не справишься без меня».

Добро пожаловать в мир, где тишина говорит.

Мэйв Холлоу

ПРОЛОГ

Она проснулась в парке

Запах был первым.

Мокрой земли, прелых листьев и чего-то металлического — острого, кислого, как ржавое железо, смешанное с медью. Запах заполнил ее ноздри, проник в горло, осел на языке. Она не могла дышать им, но и не могла перестать дышать.

Сознание возвращалось медленно, как вода, заливающая темную комнату.

Сначала она почувствовала холод. Он шел от земли, пробирался сквозь одежду, сквозь кожу, к костям. Она лежала на чем-то жестком и влажном. Трава, но не мягкая — колю-

чая, сухая, как щетина.

Потом она услышала звуки.

Где-то далеко шумели машины — приглушенно, как будто из-под воды. Ветки деревьев скрипели над головой, и листья шелестели, падая на землю. И тишина. Густая, тяжелая тишина, которая наступает только глубокой ночью, когда даже город засыпает.

Она открыла глаза.

Над ней было небо. Серое, низкое, без звезд. Облака ползли медленно, как вата, и свет от далеких фонарей окрашивал их в тусклый оранжевый цвет. Она смотрела на них и не понимала, где она.

Она села.

Голова закружилась, и она прижала ладони к земле, чтобы не упасть. Пальцы утонули в чем-то мягком и липком. Она подняла руки к лицу, чтобы рассмотреть.

Темнота. Грязь. И что-то еще — темное, густое, что не смывалось с кожи, а въедалось в поры.

Она посмотрела вниз.

Она сидела на траве, на краю дорожки. Вокруг были деревья — старые, с голыми ветвями, которые тянулись к небу, как пальцы утопленников. Дорожка была пустой. Фонари горели через один, и свет от них падал на землю желтыми пятнами.

Она не знала, как здесь оказалась.

Она не помнила, как вышла из дома.

Она не помнила, сколько времени прошло.

Она попыталась встать, но ноги не слушались. Они были холодными, онемевшими, как будто она лежала неподвижно несколько часов. Она оперлась на руки и поднялась на колени. Голова кружилась, и перед глазами плыли черные точки.

Она сделала глубокий вдох и почувствовала, как что-то в груди сжимается.

Холодно. Ей было так холодно, что казалось, ее кости превратились в лед. Она провела рукой по своей одежде — пальто, тяжелое, мужское, слишком большое для нее. Она не помнила, чтобы надевала его. Она не носила мужское пальто.

— Где я? — прошептала она, и голос ее сорвался, как у старого человека.

Никто не ответил.

Она поднялась на ноги. Земля качнулась под ней, но она устояла. Она огляделась.

Парк. Она была в парке. Она узнала эти дорожки, эти деревья, эту скамейку с облупившейся краской. Она приходила сюда иногда, днем, когда солнце было высоко и она могла убедить себя, что мир не так страшен.

Но сейчас было темно. Темно и тихо.

Она сделала шаг и остановилась.

Ее ноги были грязными. Она не помнила, чтобы ходила босиком. Она посмотрела на свои ноги — на них были носки, но они были мокрыми и грязными. Обуви не было.

Она посмотрела на свои руки. Грязь под ногтями. Темные

пятна на ладонях, на запястьях. Она поднесла их к лицу и принюхалась.

Металл. Кровь.

Она отдернула руки.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет.

Она не хотела смотреть. Она не хотела знать, что там, в траве, за спиной. Она хотела просто уйти. Просто вернуться домой, лечь в кровать и сделать вид, что это был сон.

Но она все равно оглянулась.

Там, в нескольких метрах от нее, лежало *тело*.

Она не видела лица. Только силуэт — темный, неподвижный, на земле. Руки были раскинуты в стороны, как у распятого. Волосы разметались по траве, бледные, почти белые в свете фонаря.

Она не подошла ближе. Она не хотела видеть лицо. Она не хотела знать, кто это.

Но она чувствовала запах. Медный, сладковатый, который теперь проник в каждую клетку ее тела, прилип к ее одежде, к ее коже, к ее волосам.

— Это не я, — прошептала она. — Я не делала этого.

Тишина.

Ветки скрипнули над головой, и несколько листьев упали на землю, бесшумно, как бумага.

Она развернулась и побежала.

Она бежала по дорожке, спотыкаясь о корни деревьев, о камни, о собственную слабость. Воздух врывался в легкие

ледяными иглами, и она слышала, как сердце колотится в ушах — громко, отчаянно, как птица в клетке.

Она не знала, сколько бежала. Ей казалось, что она бежала вечность, но на самом деле — несколько минут, пока не увидела ворота парка.

Она выбежала на улицу.

Город был пустым. Только редкие машины проезжали мимо, и их фары выхватывали из темноты ее фигуру — маленькую, дрожащую, босую, в мужском пальто.

Она остановилась, опершись на фонарный столб, и попыталась отдышаться.

В голове пульсировала боль. Там, внутри, что-то шевелилось. Что-то темное и тяжелое, как тень.

— *Ты не помнишь?* — спросил голос. Тихо, почти ласково.
— *Ты не помнишь, что мы делали?*

Она замерла.

— Финн, — прошептала она. — Это ты?

— *Кто же еще?* — ответил он. — *Я здесь. Я всегда здесь. Я был с тобой там, в парке. Я защищал тебя.*

— Что ты сделал? — спросила она, и голос ее дрожал.

— *Я сделал то, что должен был. Она хотела навредить тебе. Она следила за тобой. Я не мог позволить этому случиться.*

— Ты убил ее, — сказала она, и слезы потекли по ее лицу.

— *Я защитил тебя. Это разные вещи, Ивлин.*

Она прислонилась к столбу и закрыла глаза. Холод, запах

крови, тяжесть пальто на плечах — все это было реальным. Она была в парке. Она видела тело. Она не знала, как там оказалась. Она не знала, что сделала.

— Я хочу проснуться, — прошептала она. — Я хочу, чтобы это было сном.

— *Это не сон, Ивлин. Это реальность. Но я здесь. Я помогу тебе. Я всегда помогу тебе.*

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки.

Грязь была под ногтями. Темная, липкая. Она сжала пальцы в кулак и почувствовала, как что-то хрустнуло на коже.

Она знала, что это кровь.

И она знала, что это не ее.

— Я хочу домой, — сказала она.

— *Иди,* — сказал Финн. — *Я провожу тебя.*

Она пошла по пустой улице, чувствуя, как холодный асфальт обжигает ступни. Она шла, и внутри нее было пусто. Только тень, которая дышала в такт ее сердцу.

Она не оборачивалась.

Она не хотела видеть, что осталось в парке.

Она вошла в свой подъезд.

Лестница была темной — лампочка мерцала с интервалом в три секунды, и свет падал на стены желтыми пятнами. Она поднималась по ступенькам, перешагивая через выбоины, и слышала, как эхо ее шагов разносится по пустому коридору.

Она остановилась у двери своей квартиры.

Ключи были в кармане. Она не помнила, когда положила их туда, но они были там. Она открыла дверь, зашла внутрь и задвинула засов.

Она сняла пальто и повесила его на крючок.

На пальто была грязь. И еще что-то — темные пятна, которые она не хотела рассматривать.

Она прошла в ванную, включила воду и начала мыть руки.

Грязь не смывалась. Она терла ладони мылом, снова и снова, пока кожа не покраснела, пока вода не стала розовой.

— Это не я, — прошептала она, глядя на свое отражение в зеркале. — Это не я.

В отражении на нее смотрела молодая женщина с бледным лицом и темными кругами под глазами. Ее волосы были спутаны, одежда измята. Она выглядела как человек, который прошел через ад.

Но в ее глазах было что-то чужое.

Холодное. Спокойное.

— *Ты красивая,* — сказал Финн. — *Ты всегда была красивой. Ты просто не видишь этого.*

— Замолчи, — сказала она.

— *Я не могу замолчать. Я — это ты. Мы — одно целое.*

Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в темноту.

ГЛАВА 1

Утро, которое пахло страхом

Ивлин проснулась от того, что кто-то смотрел на нее.

Она лежала на боку, свернувшись калачиком, одеяло натянуто до самого подбородка. В комнате было темно — даже сквозь плотные бордовые шторы не пробивался свет. Она не знала, сколько времени. Она не знала, где она.

Но она знала, что кто-то смотрит.

Взгляд был тяжелым. Физическим. Она чувствовала его на своей спине, на затылке, на позвонках, как чьи-то пальцы, пересчитывающие кости.

Она не открывала глаз. Она лежала неподвижно, затаив дыхание, и слушала.

Тишина.

Глубокая, вязкая, как патока. Она заполняла комнату, давила на уши. Ивлин слышала, как кровь пульсирует в висках — глухо, ритмично, как барабан. Где-то за стеной капала вода. Капля. Пауза. Капля. Каждый звук был как удар молота.

Она медленно открыла глаза.

Потолок был серым. Не белым — серым, с влажным разводом в углу, который за ночь изменил форму. Вчера он был похож на карту Австралии. Сегодня — на лицо. Женское лицо с открытым ртом, как будто оно кричало.

Ивлин смотрела на него, не моргая. Она научилась этому за тринадцать лет. Не двигаться. Не паниковать. Просто ждать, пока тело успокоится.

Но в этот раз она чувствовала, что спокойствие не придет.

Она медленно повернула голову.

Стул у окна был пуст. На нем висело только ее старое пальто — тяжелое, мужское, слишком большое для нее. Она не помнила, чтобы вешала его туда. Она вообще не помнила, как вернулась домой.

— *Ты проснулась,* — раздался голос у ее затылка.

Ивлин замерла.

Голос был теплым, почти ласковым. Он доносился не снаружи — он звучал внутри, прямо у ее позвоночника, как будто кто-то жил у нее в голове и шептал ей на ухо.

— *Ты не спала всю ночь,* — продолжал голос. — *Ты лежала и слушала, как я дышу. Ты боялась, что я уйду.*

— Ты не уйдешь, — прошептала она в подушку. — Ты никогда не уходишь.

— *Я не могу уйти, Ивлин. Ты — мой дом.*

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить, что было вчера. Работа. Чай. Сон. Или нет? Она не помнила. Воспоминания были рваными, как старая пленка, которая обрывается на самом важном месте.

Она села на кровати. Голова закружилась, и она прижала ладонь к виску. Пальцы коснулись чего-то липкого. Она отдернула руку и посмотрела на нее.

Грязь. Темная, засохшая, под ногтями.

— Что это? — прошептала она.

— *Ты ходила в парк,* — ответил голос. — *Ты хотела подышать воздухом. Ты упала. Это просто земля.*

— Я не помню.

— *Ты многое не помнишь, Ивлин. Но я помню. Я помню за нас обоих.*

Она спустила ноги с кровати и встала. Пол был холодным — ламинат, старый, с выбоинами. Она надела свои старые шерстяные носки, красные, единственное яркое пятно в ее гардеробе, и пошла на кухню.

Квартира была маленькой. Комната, кухня-студия, ванная, коридор. Стены были бледно-зелеными, с трещинами, которые она заклеивала бумагой, но они все равно проступали. На кухне пахло старой едой и влажностью. Окно было затянуто бордовыми шторами, которые почти не пропускали свет.

Она включила чайник. Вода закипела, и пар пошел к потолку, где оседал каплями на старом покрытии. Она стояла у стола, глядя в пустоту, и чувствовала, как внутри нее что-то медленно просыпается.

На столе лежала записка.

Она не видела ее раньше. Бумага была старой, пожелтевшей, как будто ее вырвали из старого блокнота. На ней было написано ровным, каллиграфическим почерком:

«Ты не одна. Я здесь. Я всегда здесь. Ф.»

Ивлин смотрела на записку, и холод пробежал по ее спине.
— Я не писала это, — сказала она.

— *Ты написала,* — ответил голос. — *Ты не помнишь? Ты встала ночью, взяла блокнот и написала это. Ты хотела напомнить себе, что я рядом.*

— Я не помню.

— *Ты забываешь, Ивлин. Ты забываешь так много. Но я помню. Я помню все.*

Она сжала записку в кулаке и бросила ее в мусорное ведро.

Чайник закипел. Она заварила чай — черный, крепкий, без сахара. Она стояла у окна, глядя в щель между шторами, и видела серое небо. Бостон был серым. Всегда серым. Дождь или туман — неважно, свет был одним и тем же.

— *Ты сегодня работаешь?* — спросил голос.

— Да, — ответила она. — У меня работа.

— *Хорошо. Я буду рядом. Я всегда рядом.*

Она сделала глоток чая и почувствовала, как обжигает горло. Боль была реальной. Она была здесь, в этом мире, в этой квартире, в этом теле. И Финн был здесь — внутри, шептал, успокаивал, ждал.

Она пошла в ванную и остановилась перед зеркалом.

Зеркало было большим, во всю стену, с трещиной в левом верхнем углу, которая тянулась как паутина. Она не могла его убрать — оно было встроенным, еще со времен восьмидесятых.

Она подняла глаза.

В зеркале отражалась девушка. Худощавая, с острыми

ключицами, которые выпирали из широкого ворота свитера. Темно-русые волосы — спутанные, сосульками свисающие на плечи. Под глазами — фиолетовые тени, как синяки.

Но она смотрела не на себя.

Она смотрела на свою улыбку.

Ее губы были приоткрыты — ровно настолько, чтобы были видны зубы. Уголки губ были приподняты. Спокойно. Уверенно. Так улыбаются люди, которые знают то, чего не знают другие.

— Я не улыбаюсь, — прошептала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.